

АНДРЕЙ ДМИТРУК

МНВ

Андрей Дмитрук

МНВ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397006
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Опубликована в журнале «Искатель. Украина». МНВ – это «мир наибольшей вероятности», будущее Земли, которое прогнозирует и воспроизводит компьютерная система некоего института. Но мало того: система даёт возможность герою повести, Люку, присутствовать в виртуальном грядущем! Только там он уже не учёный-исследователь, а костолом-спецназовец из местной полиции. Мир, куда попадает Люк, невообразимо и извращённо жуток: люди в нём вновь поделены на касты; низшее сословие, урки, вообще лишено разума и способно лишь выполнять тяжёлые работы, зато правители, Боссы, окружены безумной роскошью и путешествуют по небу в летучих городах... Неужели это – реальная перспектива человечества?! Некоторые события сегодняшнего дня заставляют Люка в этом усомниться...

Содержание

I	5
II	9
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Дмитрук

МНВ

Фантастическая повесть

Памяти гениального Герберта Дж. Уэллса, чьи пророчества, изложенные в «Машине времени», я до 1991 года считал устаревшими...

I

Некоторое время я еще пытался ехать среди толпы, потом остановил машину. Улица была запружена во всю ширину, вместе с тротуарами, вплоть до подъездов домов, да и на старинные тумбы коновязи кто-то выбрался.

Люди, одетые, словно на фольклорный праздник, плотно сбились на перекрестке и в сквере перед фасадом Дворца Конгрессов. Мужчины, молодые и старые, в широких коротких штанах, белых чулках до колен, вышитых жилетах и заломленных шляпах с фазаньим пером; женщины в длинных платьях с кружевными воротничками и манжетами, в передниках, – на многих еще и приталенные безрукавки, расширенные шнуром, и чепцы с загнутыми крылышками. Вот когда пошли в ход запасы из бабушкиных сундуков!..

В открытое окно моей машины заглянул краснощекий молодец, обдав приятным запахом пива; из-за его плеча выглядывала голубоглазка с пшеничной челкою, выглядевшая в чепце и старинном платье куда краше, чем была бы в какой-нибудь майке с эмблемой «Макдональдса».

– Вы, часом, не на саммит, мой господин? – очень вежливо спросил парень, но в глубине его баска прогудела угроза.

– Да нет... я не так богат! – Отвечая, выбрал я, должно быть, правильный тон; девушка хихикнула. – Мне вообще-то направо.

– Придется объехать. – Молодец мотнул головой, показывая, куда; перо за лентой его тирольки лихо закачалось. – А не то, бросайте машину, – ничего с ней не случится, – и давайте с нами ко дворцу! Мы им сегодня дадим жару...

– Нет, – может быть, вам нравится то, что *они* делают? – с веселым вызовом спросила девушка. – Весь мир пьет и есть одно и то же, носит одно и то же, думает...

– Да не думает он вообще, – перебил ее парень. – В том-то и задача, чтобы мир ничего не думал, а верно служил своим хозяевам.

– Мне это нравится не больше, чем вам, – сказал я, откровенно любуясь блондинкой. – Просто – разгар рабочего дня. А то бы кинул пару кирпичей в стекла...

– Наш человек, а? – Парень выпрямился, отчего я увидел его широкий кожаный пояс с созвездием медных кнопок. Свежий бас пролился сверху: – Если освободитесь, приезжайте. Это быстро не кончится. Скоро будет выступать Лехнер. Вам бы его послушать, – последние сомнения пропадут.

– Постараюсь, – сказал я, улыбнулся девушке и стал объезжать толпу.

Пятясь задним ходом, я видел, как подбегают новые группы ряженных, неся плакаты и лозунги. Ненависть выплескивалась в аршинных буквах, веселая и опасная. Грубо намалянные рисунки изображали, в основном, нашу планету. Здесь зубастые монстры с надписями на лбу, не менее известными людям, чем имена Христа или Будды, но обозна-

чавшими лишь компьютерное божество или мировую империю трикотажа, выгрызали куски из земного яблока. Там – бугристая ручища смахивала с Земли Парфенон и Тадж-Махал, другая же лапа на очищенный бок лепила фирменные этикетки.

Свернув, наконец, в улицу Густава Климта, а оттуда – на засаженный старыми акациями бульвар Людвига Баварского, я подумал, что и впрямь сочувствую демонстрантам, надевшим наши старые национальные костюмы, дабы этим противостоять всемирному обезличиванию. Конечно, у подножия фирм-титанов, засыпающих Гвинею и Лапландию одинаковыми кроссовками, кетчупами и мыльными операми, сутились еще какие-то группочки, пытаюсь сохранить все цветение народной и личной жизни. Но духу человеческому приходилось все хуже. Не говоря о трех четвертях землян, чьи мысли не простирались дальше завтрашнего обеда, а тела были истощены тупым трудом, – относительно сытые «счастливики» день за днем привыкали к жизни биороботов. Их учили молиться лишь на успех и удачу, обожать дутых идолов спорта и видео, испытывать оргазм от покупки новых вещей. Религии и обычаи, наследие безмерно древних культур Запада и Востока, святость и рыцарство, верность и целомудрие, личная неповторимость, – все подминалось и расплющивалось корыстью. Франциск Ассизский и доктор Фауст, Мария Волконская и Жанна д’Арк – все они нынче были бы осмеяны, объявлены психопатами. Плодились толь-

ко добытчики, безмозглые, бессердечные и... пугающе одинаковые.

II

Задумавшись о мрачном, я едва не влетел в угол чугунной ограды, за которой в маленьком парке высился желто-розовый особняк нашего института. Вывернув руль в последний момент, я подъехал к растворенным воротам. Дом строился в начале прошлого века для семьи процветающего адвоката: кто мог знать, чем однажды начинят трехэтажку с лепными карнизами, островерхою башенкой на черепичной крыше и выпуклыми эркерами?..

Пробежав под липами и одолев четыре ступени перед входом, я приложил пальцы к сенсорной пластине на резных, с витражами дубовых дверях. Охранник в вестибюле приветствовал меня, взяв под козырек. Делом минуты было взбежать по ковровой лестнице на второй этаж и войти в машинный зал.

В большой комнате, ранее, очевидно, служившей для баблов, а теперь обшитой звуконепроницаемыми панелями, загроможденной мониторами и другой аппаратурой на столах и стендах, возился старина Герхард в окружении пяти-шести сотрудников из разных отделов. Люди все были солидные, включая старейшую из наших лаборанток, широкоплечую, мужиковатую Еву Чонску. Молодежи о сегодняшнем эксперименте вообще не полагалось знать. Вся эта компания отлаживала кресло на помосте, почему-то называемое у

нас «нюрнбергскою девай» (было такое средневековое орудие пыток). Пахло горелую резиной, канифолью и растворимым кофе. За руку со мной поздоровался один Герхард, остальные отделались приветственными жестами или даже не обернулись. А между прочим, эксперимент предстоял не рядовой; можно сказать, вершина лестницы, по ступеням которой много лет поднимался наш институт. Если результаты будут достойны внимания, мы повторим опыт в присутствии высокого начальства. Может быть, нам увеличат содержание на следующий год, и даже очень увеличат: насколько я знаю, учреждение под скромною вывеской «Институт экономических прогнозов» финансирует даже оборона...

Сначала меня простукал и прослушал доктор Кнорре из нашего медотдела, воткнул в предплечье тонкую иглу экспресс-анализатора и с минуту смотрел на экран. Последовал милостивый докторский кивок. Я был голен.

– Ну, садись, путешественник, – сказал Герхард, не отклеивая окурка от угла губ. Если бы даже сейчас стояли рядом наши парламентарии в отменных костюмах и генералы в парадной форме, он и не подумал бы сменить на что-нибудь иное свою мятую рубаху, еле заправленную в брюки с подтяжками, смахнуть пепел с колен и пригладить чем-либо иным, кроме полюбленной ладони, редкие седеющие волосы. Галстук на научном руководителе института болтался, будто колокольчик у козла – вожака бараньего стада.

Я сел, и Герхард, двигаясь, словно в полусне, однако

на редкость экономно и точно, закрепил на мне ручные и ножные браслеты с датчиками, сунул под майку металлический присосок. Скуластая Ева, похожая на переодетого дамкой костолома-телохранителя, надела мне на голову тяжелый шлем, соединенный проводами с компьютером. После этого нос мой был оседлан тяжелыми непрозрачными очками, проводки от них прилепили к вискам – и на том окончили меня мучить.

– Не думай ни о чем постороннем, – напутствовал невидимый Герхард. – Ты знаешь, – при любых тревожных показателях возвращаешься автоматом. Отождествление должно быть полным. Удачи! Даю отсчет...

Кто-то еще пожелал мне удачного возвращения, и в ушах запикали сигналы.

Тренажи подготовили меня ко всему, но сердце все же билось чаще, чем обычно, и во рту воцарилась сушь, заставив вспомнить о кофе. Однако было поздно что-либо переигрывать. Пискнул десятый сигнал, растаяли оковы датчиков и само кресло подо мной. Все кругом залил жаркий солнечный свет. Я прибыл.

III

С чего это мне показалось, что еще недавно я был одет в какой-то дурацкий штатский костюм с допотопным синим галстуком? Задремал, наверное, в дороге... Я повел плечами под кожаной металлизированной курткой гарда, переступил высокими шнурованными ботинками, поправил на поясе кобуру бимера. Вот это – мой подлинный вид, никаких сомнений. Я сидел в глубоком, удобном кресле мощного джампера, под прозрачным пузырем; внизу стелились иссиня-зеленые, коричнево-желтые, салатовые многоугольники полей и садов – обычный кормящий пояс города.

Заиграл мой нагрудный уником, действие началось. Спроецированная уникомом, повисла передо мною стриженная ежиком, мясистая, с глубоко вдвинутыми изюминами глаз голова моего начотдела.

– Так, Люк, патрулирование мы пока прекращаем, – в своей обычной манере неприятного, но тем охотнее преподносимого сюрприза, глухо и гнусаво начал он. – Кэссиди младший пропал. Дуайт Эйзенхауэр Трумэн Кэссиди, восьми лет, домашнее имя Дуду. Весь мир на ушах. Но, похоже, искать надо там, где ты сейчас, в Оберграфендорфском округе. Один человек вроде знает, откуда ноги растут. Он свяжется с тобой в Оберграфендорфе. Выполняй, доложишь.

Голова начотдела исчезла, будто мыльный пузырь лопнул

без звука, – зато возникла прехорошенькая рыжая головка восьмилетнего сорванца. Я сохранил ее в памяти уникала.

Затем, мысленно обругав обоих Кэссиди, младшего и старшего (брань вслух по этому адресу могла бы стоять дорого), я скомандовал роботопилоту найти ближайшую зарядную колонну.

Три минуты спустя мой джампер снизился и сел на площадку; опорой для нее служила блестящая гласолитовая колонна рядом с перекрестком дорог. Под площадкой красовался объемный серебристый знак гардов, – никто из низших социорас не смог бы здесь брать энергию под страхом самого жестокого наказания.

Покуда шла зарядка, я глядел, как рядом, в низине, в огромном сплошном саду копошатся урки, снимая апельсины, рыжими звездами горевшие в плотной листве. Совершенно голые сборщики и сборщицы наполняли плодами большие корзины. Когда корзина была полна, ее тащили к дороге, где – чуть впереди моей машины – стоял на траве вдоль обочины ряд грузовиков, похожих на овальные пепельницы. Содержимое корзины высыпали в кузов, затем сборщики возвращались в сад. Понятное дело, все происходило без слов, урки не владеют речью; лишь иногда за деревьями слышался вопль удовольствия, чаще звучал раздраженный визг. Кажется, где-то поднялась драка, – но хлопнул отрезвляющий разряд, и все стихло.

Вот поднялся и уплыл над землей грузовик, наполненный

оранжевою массой... Уплыл? Не было ни колес, ни кабины, ни водителя... А разве они должны быть? Что это я вспомнил о машинах трехсотлетней давности, из исторического вирто?..

Своим зрением, предельно обостренным благодаря специальной мутации, я отлично видел сборщиков, подходивших к дороге, их рано одряхлевшую кожу, обвислые груди женщин; видел бессмысленные одутловатые лица с потухшим или горящим искрою звериного возбуждения взглядом. Пишут, что когда-то встречались люди с разным цветом кожи – белым, коричневым, красноватым; перемешавшись, все стали одинаковыми, оливково-смуглыми; но уорки отличаются от прочих особым оттенком кожи, напоминающим пыльную дубовую доску... Вот один, оступившись с корзиной, толкнул другого; тот огрызнулся по-собачьи, назрел поединок... Но рядом ходил младший гард, держа электрическое стрекало, – мы с ним уже успели издали козырнуть друг другу. Уорки, ворча, успокоились.

Скоро мое скучное ожидание было чуть скрашено зрелищем, много раз виденным мною в разных местах Земли, в том числе на гигантских оргиодромах. Загремела, приближаясь, натужно-бодрая музыка из одних ударных и дудок; ударила по ушам так, что мне пришлось повисить порог слуха. Длинный флабус, окруженный стадом подвижных виртофигур – пляшущих клоунов, смешных зверей и чудищ, быстро подплыл, свернул с дороги и лег на траву у границы са-

да. Его репродукторы ревели, из пилона на крыше стреляли трескучие огни, взлетая и оставляя шлейфы разноцветного дыма. Мигом побросав работу, издавая нечто вроде хрюканья или индейских кличей, перекрывавших даже зык динамиков, орда сборщиков устремила к машине. Гарды не мешали, неторопливо сходясь в кучку.

Флабус выдвинул крылья-помосты, уставленные цветными бутылочками, заваленные грудями пестрых упаковок. Мужчины и женщины, сладострастно урча или истошно завывая, принялись отшвыривать друг друга в борьбе за угощение, – но его было много, хватило на всех. Флабус продолжал извергать жестяную, бьющую по головам музыку; люди, рассеявшись по уютным уголкам под ветвями, жадно выпили и проглотили все, что успели нахватать, и сразу перешли к иным действиям. Некоторые прохаживались, выпятив грудь, видимо, воображая себя какими-то важными особами. Другие принялись плясать, крича и подражая уродам, кривлявшимся в воздухе вокруг машины. Часть уорков мигом скисла и попадала с ног, оцепенев в каком-то ступоре, мало похожем на нормальный сон. Эйфор, понятное дело, воспринимали по-разному... Иные сборщики стали проявлять весьма грубый интерес к особям противоположного пола, причем инициативу нередко брали на себя женщины: валили партнера наземь и тут же, с руладами уж вовсе обезьяньими, начинали совокупляться. Я заметил, что подобные сцены происходили и между мужчинами; а один здоровяк, обливаясь

потом и являя чудеса эрекции, гонялся по лугу у посадки за юнцом, визжавшим от страха, пока не схватил того и не оседлал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.